

Белявский А.М., Тумаш М.Е.
ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГРАЖДАН БССР О СЧАСТЬЕ
ПО ПИСЬМАМ В ОРГАНЫ ВЛАСТИ И РЕДАКЦИИ ГАЗЕТ (1942–1986)

Ключевые слова: письма, органы власти, редакции газет, повседневность, счастье.

Одна из самых универсальных категорий повседневной жизни миллионов современных людей по всему земному шару, ежедневно воспроизводимая в миллиардах озвученных (в той или иной форме, включая письмо) и тайно подуманных в отношении других и себя пожеланий, – счастье. Экономисты и психологи, особенно западные, постепенно превращают это понятие в измеряемый показатель для установления уровня «прогресса» и «развития» того или иного общества. Работают институты счастья [16], пишутся ежегодные доклады о мировом счастье [17], составляются рейтинги самых счастливых стран. В то же время предполагаемая таким подходом универсальность больше связана с формой, чем с содержанием понятия, в разных культурах в разное время наполняемого самыми разнообразными смыслами. Выяснением этих смыслов занимается социальная и культурная антропология, опираясь на кросс-лингвистические исследования и кросс-культурный анализ. Данные этих исследований показывают, что универсального определения счастья не существует (в некоторых культурах и вовсе нет такого понятия) [2]. Даже в одной культуре в одно и то же время вариативность понимания счастья может быть очень большой – но не бесконечной. Возможность выявления неких «моделей счастья» в каждой культурной традиции обосновывается тем, что «индивидуальные представления о счастье должны согласовываться с аналогичными представлениями других членов сообщества, т.е. иметь (хотя бы частично) общий смысл» [1, с. 229]. Счастье может быть связано как с психофизическими ощущениями, так и с материальными предметами. В связи с многообразием «моделей счастья» антропологи предпочитают не задавать людям прямые вопросы о том, насколько они счастливы, а «стараясь распознать, в каких терминах и понятиях люди рассуждают о своей жизни, о ее смысле и о жизненных ценностях» [2]. На повседневном уровне категория «счастья» часто связывается с представлениями о «хорошей жизни» и «благополучии» [2]. Источники и способы выяснения этих представлений могут быть различными – от интервью и наблюдений до школьных сочинений.

Тема счастья людей в СССР также не обделена вниманием, хотя в основном занимаются ей не историки, несмотря на то что сама по себе эта тема очень близка к проблематике такого популярного сейчас направления, как история повседневности. Вероятно, наиболее глубокую работу в данном направлении провели М. Балина и Е. Добренко, выпустившие представительный сборник статей о «советском счастье» [15]. Как правило, предмет исследуется на материалах воспоминаний, интервью, дневников, школьных анкет, фотографий, литературы и кинофильмов [3; 4; 5]. Наряду с известными плюсами у этих источников есть и некоторые очевидные минусы: воспоминания и интервью предлагают нам современную оценку (и нередко переоценку) своего прошлого опыта респондентом; произведения искусства и масс-культура транслируют официальный нарратив либо представления культурной элиты, опосредованные цензурой и т.д.

Мы попробуем обратиться к другой категории источников – письмам граждан БССР в «вышестоящие инстанции» с выражением просьб и жалоб. Эти источники гораздо реже оказывались в фокусе интереса исследователей советской повседневности. Едва ли не единственное исключение у нас – это работы А.А. Гужаловского. Также необходимо отметить подготовленный им сборник, выборку обращений граждан за 1951 г. «...Міласці Вашай просім», альбо Адзін год у навейшай гісторыі Беларусі, адлюстраваны ў лістах, заявах, скаргах і іншых формах звароту грамадзян» [6]. Этот

вид источников имеет свою специфику, он в большей степени связан с материальным состоянием и насущными потребностями их авторов, но не только. Важным элементом являются способы письма – тактики убеждения адресата просьбы. Кроме того, выводы, сделанные на основании этих источников, могут касаться скорее определенного психологического типа людей. Однако такие активные граждане также представляют собой важную для исследования и относительно репрезентативную группу.

Мы использовали обращения, сохранившиеся в фондах Национального архива Республики Беларусь (далее – НАРБ): в фонде 4п (ЦК КПБ) за период 1942–1986 гг., в фонде 239 (редакция газеты «Советская Белоруссия»), а также заявления, опубликованные А.А. Гужаловским. В письмах мы постарались выделить такие просьбы, выполнение которых автор обращения связывал не просто с удовлетворением базовых жизненных *потребностей* (еда, минимально приемлемые условия жилья) или исправлением вопиющей (по его/ее мнению) несправедливости, а именно те, которые связывались с исполнением *желаний*, своих или родных и близких – либо устранением того, что этому мешает. Возможно допустить, что авторы писем использовали упоминание счастья в качестве одного из средств аргументирования – в этом случае представляет интерес то, как они представляли себе «правильный» дискурс о счастье советского человека.

Обычно представления о счастье в советскую эпоху характеризуются, как постепенно дрейфующие от обезличенных в сталинское время («всеобщее счастье», надчеловеческое счастье, жертвенное счастье, счастье жить в СССР) к несколько более индивидуализированным начиная с брежневских времен («счастье – это когда тебя понимают») и включая период перестройки. В любом случае личное счастье оказывалось приемлемым только тогда, когда соответствовало коллективным устремлениям. Еще одна важная особенность советского счастья, связанная с центральной идеей построения коммунизма и «светлого будущего» – его «отложенный» характер и установка на то, что его нужно заслужить жертвенной жизнью в настоящем [1, с. 232–234; 5]¹.

В основном эти выводы отражают характеристики понятия счастья, устанавливавшиеся «сверху», и проводившиеся через различные медиа в масс-культуру. Обращения граждан, исходившие «снизу», дают почву для рассуждений о том, насколько велика была (если была) общественная дисперсия этого понятия.

Небольшие несогласования с концепцией счастья советского гражданина, основанного на самом факте рождения и жизни в СССР обнаруживаются в письмах из зон эвакуации секретарю ЦК КП(б)Б, Т.С. Горбунову за 1942–1943 гг. В них счастье достаточно явно увязывается с родной республикой: «Все мои мысли и чувства направлены к тому, чтобы быть и работать вместе с белорусами, вместе с ними вступить на родную белорусскую землю» [7, л. 190], «Счастлив был бы вновь работать в родной белорусской газете» [7, л. 197], «Адзінае, чаго я жадаў, – гэта быць бліжэй да Беларусі. Самую чорную работу я быў згодны выконваць..., але толькі б быць побач з Беларусю» [7, л. 324–325]. После освобождения Беларуси, в 1944–1945 гг.: «Все как будто бы хорошо. Но одно тревожит и не дает покоя: мысль о том, что я далеко от Белоруссии...» [8, л. 207], «После всего пережитого хочется отдать все силы и знания для восстановления родной счастливой Белоруссии» [11, л. 78].

Первые послевоенные годы характерны зачастую более близким следованием официальному дискурсу. В 1951 г. учитель из Витебской области, ходатайствуя о воз-

¹ Эти особенности находят отражение и в письмах. *Счастье жизни в СССР*: «...мне уже 70 лет. ... Я знаю, что мне выпало счастье жить в сталинскую эпоху, жизни, где должно [все] строиться по справедливости» [9, л. 27]. *Счастье нужно заслужить*: «...мне, пробывшему всю войну на фронте, потерявшему там 50% здоровья, в результате 6 контузий, но доказавшему делом свою способность бороться за великое дело Ленина–Сталина... Убедительно прошу представить мне право работать на любимой моей отрасли – военруком педучилища... Я ушел с педагогической работы на фронт и заслужил своей кровью, чтобы получить ее вновь» [11, л. 83об.] *«Отложенное» счастье*: «...я призываю всех спокойно переносить свое положение, ибо наше завтрашнее обеспечено тем, что о нас заботятся партия и правительство. О нас заботится и товарищ Сталин» [10, л. 29–29об.].

вращении работы и обращаясь непосредственно к «дорогому другу и учителю» И.В. Сталину, точно воспроизводит «узловые точки» соответствующего идеологического дискурса: «В своем педагогическом труде я нахожу великое счастье жизни в нашей советской стране... только труд является силой образующей все ценное, прекрасное и великое в нашей стране, освещенной гением Ленина и руководимой Великим И.В. Сталиным. Честный труд является и источником семейного счастья советского человека. Убедительно прошу дорогого Иосифа Виссарионовича Сталина и ЦК КП(б)Б помочь мне вернуть свое счастье, дав мне возможность работать в школе, честно трудясь на благо нашей Родины, своего народа, самого себя и своей семьи» [6, с. 110–111]. Впрочем, это не помогло, просьбу не удовлетворили.

Однако, есть и примеры более «приземленного» счастья, совсем не «отложенного». В письме секретарю ЦК ВКП(б) от подопечных одного из домов инвалидов сильная радость связывается с самым насущным: «Это только может комиссия узнать, как над нами издеваются, как нас голодом морят, а вот 23 декабря днем зарезали кабана, которого мы выкормили, мы очень обрадовались, а под вечер часов в 5 заведующий дома инвалидов Б. и завхоз погрузили кабана на воз и повезли прямо на квартиру к председателю горсовета К. Когда зарезали, то мы очень были рады, что нам к празднику дадут по кусочку свежины, оказывается нашу свежину будет кушать К.» [6, с. 118].

Регулярно в письмах фигурирует связь мечтаний и «правильной жизни» с трудом. «Советский народ приступил к строительству великих строек коммунизма. Каждый советский человек считает для себя великой честью принять участие в этих стройках... Я, заканчивая институт, хочу внести свою маленькую лепту в общее дело – обучать детей строителей. Я думаю, что моя мечта сбудется, ибо все мечты сбываются в стране социализма» [6, с. 209]; «Мне только 32 года. Я хочу жить-работать. Работать не ради куска хлеба, чтобы радоваться от сознания того, что отдаю всю свою энергию любимому делу и тем приношу пользу социалистической Родине и большевистской партии, выросшим и воспитавшим меня» [6, с. 214]; «Я так люблю жизнь, так хочется жить – жить, работать, трудиться, но меня лишили этой возможности. У меня отнято здоровье, но сила идеи коммунизма побеждает все трудности. Как не тяжело жить, но жить мне хочется» [6, с. 228]. Но с учетом того, что как во втором примере (его автор был уволен с работы в газете «Віцебскі рабочы», за то, что был в плену у немцев) и в третьем (женщина, репрессированная в 1937, потеряла способность самостоятельно двигаться), письма часто исходили от людей, потерявших работу, эта версия счастья в контексте приобретает гораздо более индивидуализированные черты, чем официальная – несмотря на ее дословное воспроизведение.

Схожим образом за описаниями еще одной, близко связанной со счастьем темы – высшего образования, представляемого как вершина жизненных устремлений, угадываются достаточно «предметные» цели с учетом того, какие карьерные перспективы оно открывало, и того, что речь опять же шла о «ситуации утраты» этой возможности: «Из всех моих многочисленных предков я первый из тех, кто благодаря Советской власти и Великой Коммунистической Партии (большевиков) получил право на высшее образование. Мое поступление в институт было величайшим торжеством не только моих родителей, но и всех жителей моей деревни» [6, с. 211]; «Я счастлива, что мне довелось жить в советской стране и учиться в сталинскую эпоху. Я благодарна партии и Правительству за возможность по-настоящему жить, учиться и трудиться... я надеюсь, что начатую учебу я смогу закончить и принять активное участие в построении коммунистического общества» [12, л. 78–79].

В письмах 1960-х – 1970-х гг. упоминания счастья и связанных с ним категорий, кажется, встречаются в письмах гораздо реже (во всяком случае, нам их найти пока не удалось). С началом перестройки в середине 1980-х они снова появляются, причем в гораздо более «овеществленной» форме. Вот, например, выдержка из письма ветеранов

Великой Отечественной войны в редакцию газеты «Советская Белоруссия» в 1986 г.: «Все мы очень радовались и ликовали, что о старой гвардии не забыла партия и правительство, наконец-то мы хоть на старости лет сможем пожить как люди... Наконец пришел для нас долгожданный день и час, 6 марта вывесили списки на получение жилья, первыми заблестали наши фамилии... Все нас поздравляли, а мы плакали от радости как в день Победы 1945 году. Через три дня наша радость окончилась...» [13, л. 8–9об.]. Можно сравнить это «кликание» с описанием «нормальной жизни» и радости одного автолюбителя: «Мне 52 года, работаю я на тракторном заводе, где выпускают прославленных “Белорусов”, и очень горжусь этим. Жена моя на этом заводе проработала 27 лет маляром по окраске тракторов и сейчас находится на льготной пенсии. У нас двухкомнатная квартира, в общем есть все для нормальной жизни. Я с детства увлекаюсь техникой, имею права шофера и мотоциклиста. Решили мы купить мотоцикл ИЖ... Соседи поздравили с покупкой, жена осталась довольна внешним видом и цветом мотоцикла и на этом все наши радости закончились» (мотоцикл оказался бракованным) [14, л. 26]. Характерно, что в данном случае важным элементом радости является одобрение со стороны. Так же конкретны представления о радости гражданки, жаловавшейся в 1986 г. на работу ателье пошива одежды: «...хочу, придя в ателье, чувствовать себя как на празднике, ведь я шью новую вещь, сшитая доброкачественно любимая вещь приносит каждому из нас огромную радость» [14, л. 6].

Впрочем, связь счастья с советской властью из дискурса также не исчезла. Более того, следующий пример демонстрирует преемственность с мечтами 1950-х: «Нас у матери было шесть детей, мы росли без отца. Мать была членом Компартии Западной Белоруссии, организатором подпольной ячейки нашей деревни. Она всю жизнь мечтала, чтобы получили образование, были счастливыми. Ее расстреляли фашисты в 1942 г. Но мечта её сбылась, многие внуки пооканчивали институты, стали полноправными гражданами нашей страны. У нас есть сейчас все, что необходимо рабочему человеку для полного счастья. Вот поэтому меня до глубины души волнует и возмущает то, что у нас еще есть случаи несправедливости и «барского» отношения к простому колхознику» (из письма колхозницы колхоза «Красный Октябрь») [14, л. 10–11].

Таким образом внешне «показания» данного вида источников о представлениях советских людей (на примере граждан БССР) о счастье достаточно хорошо согласуются с распространенными мнениями, основанными на других источниках: авторы писем связывают его с коллективным трудом во благо Родины, строительством коммунизма, жизнью в СССР в сталинские времена, и в большей степени индивидуализируют его в 1980-х. В то же время, при более внимательном прочтении обнаруживаются некоторые нюансы. Несмотря на сильное «нормализующее» дискурсивное влияние «сверху», понятие счастья в Советском Союзе в повседневной жизни артикулировалось с определенным своеобразием. Счастье через труд и получение высшего образования с учетом контекста оказывалось во все не «отложенным», а очень четко ориентированным на насущные жизненные потребности дня сегодняшнего. Именно контекст обычно добавлял дополнительные смыслы тщательно воспроизводимым в письмах этих лет «правильным» идеологическим дискурсивным конструкциям. Во второй половине 1980-х некоторое ослабление идеологического контроля и сравнительное улучшение материального благосостояния советских людей в еще большей степени «овеществили» понятие счастья и создали условия для более открытого выражения индивидуальных трактовок.

1. Байбурин, А. Счастье по праздникам / А. Байбурин, А. Пиир // Антропологический форум. – 2008. – № 8. – С. 227–257. – URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/008/08_04_baiburin-piir_k.pdf (date of access 30.03.2025).

2. Иванов, Д. Счастье для всех. Как антропологи изучают представления людей о хорошей жизни / Д. Иванов // N+1. – URL: <https://nplus1.ru/material/2017/08/11/happiness-different-people/amp> (date of access 30.03.2025).

3. Как выглядело счастье советского человека // Дзен, 1 апреля 2019. – URL: https://dzen.ru/a/XJtVxeejPgCzyudD?is_autologin_ya=true&is_autologin_ya=true (date of access 30.03.2025).

4. Краснова, Г. Счастье по-советски: как эксперимент времен СССР влияет на нас сегодня / Г. Краснова // Forbes, 20 июля 2022. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/472027-scast-e-po-sovetski-kak-eksperiment-vremen-sssr-vliaet-na-nas-segodna> (date of access 30.03.2025).
5. Малеева, Е. Представление о счастье в советском кинематографе / Е. Малеева // Artz.work. – URL: <https://artz.work/project/bb1fad65e93945a1b6014522772217f7> (date of access 30.03.2025).
6. «...Міласці Вашай просім», альбо Адзін год у навейшай гісторыі Беларусі, адлюстраваны ў лістах, заявах, скаргах і іншых формах звароту грамадзян : зборнік дакументаў / укл. А. А. Гужалоўскі. – Мінск : НАРБ, 2006. – 280 с.
7. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 47. Д. 9.
8. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 47. Д. 18.
9. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 47. Д. 27.
10. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 47. Д. 49.
11. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 47. Д. 89.
12. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 47. Д. 310.
13. НАРБ. – Ф. 239. Оп. 5. Д. 26.
14. НАРБ. – Ф. 239. Оп. 5. Д. 24.
15. Balina, M. Petrified Utopia. Happiness Soviet Style / M. Balina, E. Dobrenko. – London, New York, Delhi : Anthem Press, 2011. – URL : https://books.google.by/books?id=09ibJ8SZ9awC&printsec=frontcover&dq=Petrified+Utopia:+Happiness+Soviet+Style&hl=en&a=X&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (date of access 30.03.2025).
16. Happier Lives Institute (Web site). – URL: <https://www.happierlivesinstitute.org/> (date of access 30.03.2025).
17. The World Happiness Report. – URL: <https://happiness-report.s3.us-east-1.amazonaws.com/2025/WHR+25.pdf> (date of access 30.03.2025).

Павлова Е.Я.

МАТЕРИАЛЫ ЛИЧНОГО ФОНДА РЕЖИССЕРА В.П. ЧЕТВЕРИКОВА В БГАМЛИ КАК ИСТОЧНИК О СОЗДАНИИ ФИЛЬМА «ПЛАМЯ»

Ключевые слова: архивный фонд, кинофильм, режиссер, война, борьба, партизаны.

С советских времен за киностудией «Беларусьфильм» закрепилось название «Партизанфильм». На нашей киностудии по мнению современных блогеров были созданы самые пронзительные фильмы о страшных событиях оккупации и героической борьбе против гитлеровских захватчиков.

Уроженец Алма-Аты, народный артист БССР В.П. Четвериков работал в Минске на киностудии «Беларусьфильм» с 1962 г. В статье «На пути к главной теме» режиссер отмечал, что героическая тема при всем осознании ее важности кинематографистами является сложной для глубокого воплощения на экране [1, л. 3].

В фонде В. Четверикова в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства (БГАМЛИ) отложились материалы о создании 4 кинофильмов о военных событиях на территории Беларуси: хроникально-документальный фильм «Казнен в сорок первом» («Он из нашего города») про юного минского подпольщика В. Щербацевича, шестисерийный телефильм «Руины стреляют» о деятельности минского подполья в 1941–1942 гг. (режиссер рассматривал этот фильм как подготовку к съемкам «Пламения»), а также художественные фильмы «Пламя» и «Черная береза».

Остановимся на истории создания двухсерийного фильма «Пламя», повествующего о событиях, происходящих на территории Витебской области. В основе фильма – события первой половины 1944 г. Партизаны Полоцко-Лепельской зоны во взаимодействии с 1-м Прибалтийским фронтом вступили в противоборство с 3-й танковой армией гитлеровского генерала Рейнгардта. Как отмечал после премьеры журналист газеты «Известия» А. Медведев, авторы фильма (сценаристы Г. Буравкин, В. Халип и Ф. Конев, а также режиссер В. Четвериков) поставили перед собой двуединую задачу – воссоздать максимально полную хронику операции и одновременно претворить масштаб подвига партизан в судьбах как реальных, так и вымышленных героев [2, л. 10].

Киноэпопея вышла на экраны в 1975 г. в канун 30-летия Победы и, судя по оценкам и отзывам на ресурсах «Кинопоиск» и «Кино-театр», вызывает интерес и высокие оценки зрителей до сих пор. На рубеже 1960–1970-х гг. после выхода кинотрилогии «Освобождение»